

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

Подсказчик

Девушка в лабиринте

Игра Подсказчика

Девушка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Донатто
КАРРИЗИ

ИГРА
ПОДСКАЗЧИКА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Антонио,
моему сыну, продолжающему меня*

Луиджи Бернабо, моему другу

Звонок в полицию был зарегистрирован 23 февраля в 19:47. Женщина звонила с сотового и взволнованным тоном просила выслать патрульную машину к ферме, расположенной на отшибе, километрах в пятнадцать от города.

В тот момент над всем регионом бушевала неистовая буря.

На вопрос оператора о причине звонка женщина ответила, что какой-то мужчина вторгся на их участок. Стоит перед домом, под дождем, в темноте. Муж вышел, чтобы убедить его уйти по-хорошему, но пришелец ничего знать не хочет.

Стоит и молча смотрит на дом.

Женщина не смогла описать незнакомца: с того места, где она находилась, учитывая сплошную пелену дождя, она едва могла разглядеть его при вспышках молний. Сообщила только, что он приехал на старом зеленом фургоне, и сказала напоследок, что обе дочки напуганы.

Оператор записал адрес и заверил, что непременно кого-нибудь отправит посмотреть, в чем дело, но

предупредил женщину, что из-за неблагоприятных погодных условий поступило очень много вызовов по поводу дорожно-транспортных происшествий и подтоплений. Поэтому придется запастись терпением.

Первая патрульная машина освободилась только в пять утра — через девять часов после звонка. Полицейские довольно долго добирались до фермы еще и потому, что ночью река вышла из берегов и дорогу в нескольких местах размыло.

Перед патрульными, прибывшими на место, когда уже начинало светать, предстала вполне мирная сцена.

Типичный дом в колониальном стиле, деревянный, выкрашенный белой краской, рядом погреб для хранения яблок. Гигантский сикомор отбрасывал тень на площадку перед домом. Игрушечная лошадка возле веранды, два розовых велосипедика у сарая с инструментами. На ярко-красном почтовом ящике надпись: СЕМЬЯ АНДЕРСОН.

Ничто не предвещало беды. Разве только тишина, нарушаемая лишь непрерывным лаем дворняжки, которая металась перед будкой на длинной привязи.

Полицейские громко позвали обитателей дома, но ответа не получили. Поскольку в доме, по-видимому, никого не было, они решили, что съездили понапрасну. Только из чувства долга, перед тем как развернуться и уехать, один из них поднялся на крыльцо, чтобы постучать в дверь. И обнаружил, что она не заперта. Заглянув внутрь, заметил страшный беспорядок.

Запросив по радию разрешения, полицейские вошли в дом, проверить, что там происходит.

Они увидели опрокинутые столы и стулья, разбросанную домашнюю утварь, плотный ковер из осколков стекла на полу. Но на верхнем этаже все было еще хуже.

Повсюду кровь.

Красная, уже засохшая, она пропитала подушки и простыни в спальне. Брызги попали на вещи из обыденной жизни — на домашние тапочки, на щетку, на кукол в детской. Виднелись длинные полосы на полу, отпечатки рук на стенах: знаки отчаянных попыток к бегству. Зрелище резни. Но полицейских больше озаботило то, чего они не нашли.

Отсутствовали тела.

От четырех членов семьи, отца, матери и восьмилетних девочек-двойняшек, живших в этом доме, остались только фотографии, вставленные в рамки или прикрепленные к стенам. С этих снимков улыбающиеся Андерсоны, вероятно, взирали на собственное убийство.

К восьми утра ту отдаленную сельскую местность наводнили полицейские.

Пока поисковые команды с собаками, натасканными на обнаружение трупов, исследовали окрестности, не пропуская ни малейшей рытвины или пригорка в надежде найти останки, эксперты-криминалисты изучали хаос внутри дома, пытаясь воссоздать произошедшее.

Одновременно была предпринята полномасштабная охота на человека.

Внимание сконцентрировалось на незнакомце, о котором вкратце рассказала по телефону госпожа Андерсон. О нем только и было известно, что это мужчина. Ни описания, хотя бы самого общего, ни какой-то приметы, которая пригодилась бы для опознания.

Единственная информация, бывшая в распоряжении полиции, — старый зеленый фургон, о котором упомянула женщина. Но и этот след вряд ли мог куда-нибудь привести, поскольку ни номера, ни марки машины женщина не назвала.

Еще до полудня скудная информация о том, что произошло и еще могло произойти, просочилась в СМИ. Этого оказалось достаточно, чтобы возбудить любопытство публики.

К вечеру Карл, Фрида и малышки Эуджения и Карла из обыкновенной, ничем не примечательной семьи превратились в героев хроники, державшей в напряжении миллионы людей по всей стране.

Тайна исчезнувшего семейства.

Интерес к истории подогрел тот факт, что Андерсоны переехали в деревню, отказавшись от достижений технического прогресса. У них не было ни электричества, ни Интернета, ни даже телефона. Единственное исключение — сотовый для чрезвычайных ситуаций, с которого и впрямь был совершен только один звонок, с просьбой о помощи.

Несколько зловещих подробностей дела, вкупе с уверенностью в том, что монстр до сих пор разгуливает на свободе, оказалось достаточно, чтобы среди людей распространился страх, слепой и нерассуж-

дающий. Людями овладела тревога, каждый боялся, что случившееся может повториться. Общество требовало быстрого завершения расследования, то есть, само собой, задержания виновного.

Но у полиции не было ничего, кроме простых очевидных фактов. Несмотря на задействованные силы, единственный вывод, к которому пришло следствие, заключался в том, что убийца использовал зеленый фургон, чтобы вывезти трупы — бог знает куда и зачем.

Слишком мало, чтобы надеяться на скорое завершение дела.

Следователи полагали, что преступник, вторгшийся в дом Андерсонов, скорее всего, избавился от машины, но все-таки предпринимали попытки найти подозрительный автомобиль на записях с дорожных видеорекамеров, сделанных в определенном интервале до и после звонка госпожи Андерсон. Они рассчитывали на то, что такую устаревшую модель легко заметить. Была также выделена специальная линия, по которой принимались сообщения о старом семейном фургоне зеленого цвета. Как можно было легко вообразить, от горожан поступило множество звонков, большей частью ни на чем не основанных.

Кроме одного.

Ближе к вечеру некто неизвестный указал на присутствие зеленой машины «фольксваген-пассат» в районе старой скотобойни: она стояла в помещении пустующего склада. Когда полицейские с командой кинологов отправились проверить этот автомобиль, они увидели через окна обильно залитые кровью сиденья.

Открыли вместительный багажник, готовые к ужасной находке, но там, как и в доме, не было и следа трупов.

Когда полицейские начали огораживать новое место преступления, чтобы там могли спокойно работать эксперты-криминалисты, собаки вдруг принялись истошно лаять.

Они кого-то унюхали на скотобойне.

Меньше чем за полчаса весь квартал оцепили. Чуть позже прибыло спецподразделение. Началась полномасштабная операция с участием десятков человек, экипированных по последнему слову техники. Они разделились на группы, прочесывая каждое помещение, каждое возможное укрытие. Топот ног, обутых в тяжелые ботинки, лай собак и крики спецназа гулким эхом отдавались в этих заброшенных местах. Наконец один из агентов сообщил по рации, что «на четвертом этаже кто-то есть». И все бросились к указанному месту.

В темной комнате, среди остовов старых компьютеров и других электронных устройств, пришедших в негодность, стоял человек.

Стоял неподвижно, лицом к стене из черных мониторов. На нем не было одежды. Он поднял руки, сдаваясь, и медленно повернулся к полицейским, которые целились в него из автоматов и слепили мощными фонарями.

Кроме необычного убежища, где этот человек скрывался, полицейских поразили еще два момента. Его возраст нельзя было определить. И все его тело было покрыто татуировками, включая лицо и гладкий череп.

Числа.

Человек не оказал сопротивления, позволил надеть на себя наручники, не сказав ни слова. Рядом с ним валялся маленький серп, испачканный кровью. Вероятно, орудие резни.

Задержание основного подозреваемого произошло всего лишь через двое суток после звонка госпожи Андерсон с просьбой о помощи. Хотя вначале следователи пребывали в замешательстве, дело было раскрыто неожиданно быстро — пусть даже с помощью анонимного звонка.

Начальник полиции публично поблагодарил безымянного гражданина, оказавшего содействие правосудию, и перед лесом микрофонов объявил о том, что очередная битва со злом завершилась победой. Ужасная смерть Андерсонов для всех осталась в прошлом, хотя трупы так и не были найдены. Ведь с арестом человека, покрытого татуировками, порядок и спокойствие были восстановлены — и обыватели могли вздохнуть с облегчением.

Следствие завершилось, и, как водится, настало время сочувствовать жертвам, возносить молитвы за них, где бы они ни находились.

Никто и вообразить не мог, что самое страшное еще предстоит.

Энигма

1

Письмо пришло в свой срок, как всегда, в феврале.

Всякий раз его содержание было практически одним и тем же. Ее ставили в известность, что клиническая картина не изменилась и что в данный момент невозможно строить какие-либо прогнозы на будущее. Послание, кто бы его ни составлял, всегда заканчивалось одной и той же фразой:

«Общее состояние пациента по-прежнему представляется необратимым».

Этой фразой ненавязчиво предлагалось принять решение: продлить еще на год процедуры по искусственному дыханию и искусственному кормлению или раз и навсегда положить конец этой растительной жизни.

Мила сунула письмо в ящик стола и взглянула в окно кухни, на открывавшуюся панораму. Заходящее солнце отбрасывало на воды озера странный сероватый отблеск, и Алиса на лужайке среди деревьев, близ пристани, гонялась за опавшими листьями, уносимыми ветром. Зима была в разгаре, и с лип, обступивших дом, листва давно облетела. Откуда толь-

ко взялись эти сухие листья — разве что из густого леса, обрамлявшего чистое зеркало зеленоватых вод.

На Алисе был теплый свитер, длинный шарф развевался по ветру вместе с рыжими волосами. Ее дыхание паром застывало в воздухе, но девочка казалась счастливой. Мила тем временем наслаждалась домашним теплом. Она готовила на ужин тушеные овощи, а в духовке поспевал яблочный пирог, от которого вся кухня пропахла сахаром и корицей. В последние месяцы она открыла в себе способности, о которых раньше не подозревала. В прежние времена Мила считала, что еда — всего лишь способ снабжать организм энергией, теперь она даже обрела способность извлекать из продуктов вкус. Алиса наверняка дивилась этому не меньше Милы, ведь прежде она практически не показывалась на кухне.

За последний год многое изменилось. Речь шла не просто о новых привычках: началась новая жизнь.

Во время своего последнего расследования Мила подвергалась серьезной опасности.

Мысль о том, что она может погибнуть на службе, до сих пор не слишком ее тревожила. Каждый полицейский осознанно идет на такой риск. Но, приблизившись к последней черте, она по-другому взглянула на проблему. Перед ней внезапно возник совершенно банальный вопрос, которым, однако, она до сих пор никогда не задавалась.

Если она умрет, что будет с Алисой? Девочке и так нелегко расти без отца.

Отсюда явилось и созрело решение уйти в отставку. Теперь, казалось, прошла целая вечность с тех пор,

как Мила Васкес полностью посвящала себя своему призванию: поиску людей, пропавших без вести.

Она никогда не считала себя обычным сотрудником полиции. Она, собственно, никогда не была и обычным человеком, иначе не выбрала бы для себя такое занятие — охотиться за теньями.

К семнадцати годам Мила поняла, что она — другая: в отличие от всех своих знакомых она никогда ни к кому не испытывала сочувствия. Многие годы она стыдилась этого, это мешало ей завязывать отношения, выставляло в невыгодном свете. Когда наконец, лет в двадцать пять, она набралась смелости и поговорила с психиатром, тот дал определение ее расстройства: *алекситимия*. Что-то вроде эмоциональной безграмотности. Мила не была способна испытывать к окружающим какие-то чувства и не была в состоянии распознавать и описывать собственные ощущения. В конечном итоге никаких чувств у нее как будто и не было.

Люди называют это «душевым холодом».

Со временем она поняла, откуда взялся такой темный дар. Мила осознала, что она представляет собой портал, тайную дверцу в другое измерение, сотканное из сумерек и зла. Этот проход, единожды отворенный, уже невозможно закрыть.

Я пришла из тьмы. И во тьму время от времени должна возвращаться.

В полицейской работе такая ее особенность очень помогала, позволяя рассматривать каждое дело трезво и отстраненно. В частности, чрезвычайно полезной она оказывалась при поисках пропавших без ве-

сти детей и подростков: в таких случаях повышенный градус эмоциональной вовлеченности только мешал, препятствуя объективному восприятию: коллеги часто поддавались искушению бросить все, только бы не сталкиваться с ужасной реальностью, которая ожидала их в конце расследования.

Мила все это знала: искать пропавшего ребенка — все равно что следовать за черной радугой. И в конце тебя встретит не кубышка с золотом, а безмолвный монстр, до отвала напившийся невинной крови.

Алекситимия была для нее проклятием, но также и броней. Но за это нужно было платить.

Неспособность к сочувствию опасно сближала ее с монстрами, которые, не зная жалости, питаются страданиями жертв. Чтобы отличить себя от них, Мила часто втайне прибегала к лезвию бритвы. Резала себя, чтобы хоть так почувствовать чужую боль. По сути, шрамы, испещрявшие ее тело, свидетельствовали о попытках отождествить себя с пропавшими без вести, которых она искала, испытать к ним сочувствие, вступить в контакт. Телесная боль заменяла душевную, избавляла от чувства вины, которое неизменно сопутствовало безразличию.

Тем самым Миле не было дано стать матерью, ни хорошей, ни плохой. Она просто не располагала такими способностями. Она заботилась об Алисе так, как ухаживала бы за цветком в горшке. И все-таки занималась дочерью, как могла — в пределах, доступных для нее, разумеется.

Но теперь все это осталось в прошлом.

Примерно год назад Мила решила, что пришел момент растопить лед в сердце, превозмочь душев-